

УДК 82.09 (575.2) (04)

Н.В. ГОГОЛЬ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Т.Г. ШЕВЧЕНКО

Г.Н. Хлыпенко

Рассматриваются типологические связи Гоголя и Шевченко. Контактные связи наглядно свидетельствуют о том, что Гоголь в творческом сознании Шевченко является величиной постоянной.

Ключевые слова: творческое сознание; эпистолярные источники; художественные источники.

Тема “Шевченко и Гоголь” является одной из авторитетных тем в науке о Шевченко – шевченковедении, шевченковедении. Интерес к ней на Украине значительно усилился в последнее время, когда Шевченко и Гоголь были декларированы как два выдающихся художника, которые наиболее ярко представляют украинскую духовность как “послы” национальной культуры. “Две половинки украинского сердца: Шевченко и Гоголь” – так назвал свою статью академик НАН Украины, директор Института литературы им. Т.Г. Шевченко Н.Г. Жулинский [7]. Цель нашей статьи – систематизировать и обобщить разнородные факты, свидетельствующие о контактных литературных связях Шевченко и Гоголя, которые могут быть использованы при изучении курса “Украинская литература” – составной части учебной дисциплины “История литератур славянских народов” на филологическом отделении гуманитарного факультета КРСУ.

Удивительный факт: Николай Васильевич Гоголь (1809 – 1852) и Тарас Григорьевич Шевченко (1814 – 1861) были современниками, знали друг о друге, имели общих друзей и знакомых, но лично так и не познакомились. “Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться с Гоголем”, – признался ссыльный Шевченко в одном из своих писем незадолго до кончины великого русского писателя [1, 5, 289]. “Шевченко и Гоголь – две половинки украинского сердца – так никогда и не сошлись”, – сожалеет современный шевченковед [7]. А ведь в их биографиях столько “странных сближений”, говоря словами Пушкина! Оба были украинцами по происхождению; оба рано покинули Украину; оба духовно питались её историей, культурой, мифологией, создавая свои первые шедевры: Гоголь – “Вечера на хуторе близ Диканьки”, затем “Тарас Бульба”, а Шевченко – “Кобзаря”, затем “Гайдамаков”.

Шевченко – младший современник Гоголя, вступивший в литературу почти десятилетие спустя, внимательно следил за творчеством Гоголя, ценил его произведения и восторгался его талантом. Об этом свидетельствуют в первую очередь письма Шевченко периода ссылки (1847–1857) и его “Дневник” (1857–1858). Обратимся к этим документам.

Для нас особую ценность представляют письма к Варваре Николаевне Репниной – близкому другу Шевченко, русской писательнице, состоявшей в знакомстве и переписке с Гоголем с конца 1830-х годов.

В письме из Орской крепости от 24 октября 1847 г. Шевченко обращается к адресату: “Вот уже более полугодом я не имею никакого понятия о нашей бедной новой литературе, и просил бы вас, добрая Варвара Николаевна, ежели достанете последнее сочинение Гоголя “Письма к друзьям”¹, то пришлите мне, вы сделаете доброе дело...” [1, 5, 271]. Речь шла о книге Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847). Репнина выслала эту книгу в марте 1848 г., о чем Шевченко сообщил в письме к А.И. Лизогубу, своему знакомому, от 9 мая 1848 г.: “Варваре Николаевне напишу уже разве что из Раина. Будешь писать ей, поблагодари за книгу Гоголя” [1, 5, 280].

В письме из Оренбурга от 1 января 1850 г. Шевченко просит Варвару Николаевну подключить Гоголя к участию в своей судьбе. “Я сегодня же пишу Василию Андреевичу Жуковскому (я с ним лично знаком) и прошу его о исходатайствовании позволения мне только рисовать. Напишите и вы, ежели вы с ним знакомы. Или напишите Гоголю, чтобы он ему написал обо мне, он с ним в весьма коротких отношениях <...>.”

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. – Г. Х.

Ежели будете писать ко мне, то сообщите свой настоящий адрес и *сообщите адрес Гоголя, и я напишу ему по праву малороссийского виршеплета, а лично его не знаю*” [1, 5, 284] Письмо Шевченко к Гоголю неизвестно, и, по-видимому, не было написано.

Самым ценным документом является письмо Шевченко к Репниной от 7 марта 1850 г.

Во-первых, Шевченко очень сожалеет по поводу незнакомства с Гоголем: *“Я никогда не перестану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком неоцененно, в личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить”* [1, 5, 289].

Во-вторых, Шевченко горячо просит Репнину о присылке ему “Мертвых душ” Гоголя. “Я сделался настоящей попрошайкой! Что делать? Оренбург такой город, где и не говорят о литературе, а не то чтобы можно было в нем достать хорошую книгу. Вся та речь к тому, чтобы вы мне (*найвсепокорнейше прошу*) прислали “Мертвые души”. Меня погонят 1 мая в степь, на восточный берег Каспийского моря, в Новопетровское укрепление, следовательно, опять прервут всякое сообщение с людьми. *И такая книга, как “М. д.”, будет для меня другом в моем одиночестве!*”

Пришлите, В.Н., ради бога и *ради всего высокого, заключенного в сердце человеческого* <...> У меня давно было намерение просить у вас эту книгу <...> *Пришлите ради всего святого*” [1, 5, 289]. К сожалению, Репнина не успела исполнить эту просьбу из-за нового ареста Шевченко и запрещения переписываться с ним. “Мертвые души” Шевченко получил только в 1856 г. от Бронислава Залесского, ссыльного поляка-художника.

В-третьих, Шевченко даёт Гоголю ряд блестящих характеристик, выражающих преклонение перед его талантом. “Меня восхищает ваше теперешнее мнение и о Гоголе и его бессмертном создании <...> *Перед Гоголем должно благоговеть, как пред человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежную любовь к людям! <...> Наш Гоголь – истинный вестель сердца человеческого! Самый мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть пред ним как пред человеколюбцем!*” [1, 5, 288–289].

После смерти Гоголя Шевченко остался верным его почитателем.

Так, в письме к О.М. Бодянскому, украинскому и русскому филологу, историку, писателю

и переводчику, написанном 1 мая 1854 г. в Новопетровском укрепении, Шевченко просит его об одном одолжении: “Будет у тебя свободное время, *сходи в Симонов монастырь и за меня помолися богу на могиле Гоголя за его праведную душу!*” [1, 5, 312]. (Ошибка Шевченко: Гоголь был похоронен не в Симоновом, а в Даниловом монастыре).

В том же году, 9 октября, Шевченко сообщает Брониславу Залесскому: “Я здесь, по милости Никольского, читаю постоянно [новинки] русской литературы и *прочитал биографию Гоголя*, которую ты мне рекомендуешь. *Она заинтересовала меня, как и тебя, письмами как документами, но как биография она неполна*” [1, 5, 316]. Речь идет об “Опыте биографии Николая Васильевича Гоголя” Николая М. (псевдоним украинского писателя Пантелеймона Кулиша), опубликованном в трех номерах журнала “Современник” за 1854 г.

В письме к А.Н. Маркевичу, украинскому общественному деятелю, юристу, музыканту, написанном 22 апреля 1857 г. в Новопетровском укрепении, Шевченко сообщает: “*Записки о жизни Н.В. Гоголя* прислал ты мне два тома и оба – первые” [1, 5, 359]. К сожалению, нам точно неизвестно, о какой книге идет речь.

А в одном из последних писем из Новопетровского укрепления, от 8 мая 1857 г., адресованном М.М. Лазаревскому, своему близкому другу, Шевченко еще раз упоминает о биографическом источнике: “Черти их знают, что они со мною делают! До сих пор нет ничего из корпуса. Добивают они меня, изверги, не боясь бога. А тоска, тоска! <...> А в голове такое – не знаю, что и делать. *Читаю по одной страничке в день биографию Гоголя, читаю и боюсь, может и по страничке не хватит, пока придет это увольнение*” [1, 5, 362]. Скорее всего, здесь речь идет об “Опыте биографии...” П.Д. Кулиша, упоминавшемся выше.

Другим важным источником суждений Шевченко о Гоголе является его “Дневник”, охватывающий период с 12 июня 1857 г. по 13 июля 1858 г. Поэт начал вести дневниковые записи в Новопетровском укрепении в ожидании официального уведомления о своем освобождении и закончил после возвращения в Петербург. “Дневник” (другие названия – “Журнал”, “Записки”), который велся на русском языке, представляет собой задушевную беседу автора с самим собой, содержит массу сведений, в том числе литературного характера и, конечно же, о Гоголе.

Впервые имя Гоголя встречается в записи от 26 июня 1857 г. “Мне кажется, что для нашего

времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только *сатира умная, благородная*. Такая, например, как “Женя” Федотова или “Свои люди – сочтемся” Островского и “Ревизор” Гоголя” [1, 5, 35]. “Ревизор” был одним из любимейших произведений Шевченко, едва ли не с первого появления на сцене (1836).

В записи от 9 июля 1857 г. Шевченко воспроизводит свой сон, в котором ему привиделся Аркадий Родзянко – помещик Полтавской губернии, в молодости поэт, “отвратительный старикашка”, потчевавший автора “грязнейшими малороссийскими виршами”. Особенно запомнилось Шевченко, как Родзянко “ругал наповал грязного циника Гоголя и в особенности “Мертвые души” казнил немилосердно” [1, 5, 58].

В записи от 14 июля 1857 г. Шевченко вспоминает Гоголя в связи с описанием им русской деревни, которую поэт противопоставляет украинской деревне. “Великорусская деревня, это, как выразился Гоголь, – наваленные кучи серых бревен, с черными отверстиями вместо окон, вечная грязь, вечная зима! Нигде прутика зеленого не увидишь, а по сторонам непроходимые леса зеленеют, а деревня, как будто нарочно, вырубилась на большую дорогу из-под тени этого непроходимого сада, растянулась в два ряда около большой дороги, выстроила постоянные дворы, а на отлёте часовню и кабак, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатия к прелестям природы.

В Малороссии совсем не то <...> О, моя бедная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоим живительным, сладким воздухом?” [1, 5, 69 – 70].

В записи от 27 июля 1857 г. имя Гоголя упоминается в связи со знаменитой картиной русского художника А.Д. Иванова “Явление Христа народу”. “Еще будучи в Академии, я много слышал об этом колоссальном, тогда почти оконченном, труде. Художники нерешительно говорили о нём; аматоры (любители. – Г.Х.) решительно восхищались, в том числе и покойный Гоголь” [1, 5, 89]. Гоголь упомянут по той причине, что его восторженное письмо “Исторический живописец Иванов” было напечатано в “Выбранных местах из переписки с друзьями”.

Имя Гоголя встречается и в записи от 13 августа 1857 г. “Первая книжка “Русского вестника” за 1856 год попала мне в руки. Оглавление мне понравилось. Там были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова – имена, хорошо известные в нашей литературе” [1, 5, 107].

В привлечшем внимание Шевченко номере был помещен неизданный отрывок из первого тома “Мертвых душ”, найденный в рукописях Гоголя.

В записи от 5 сентября 1857 г. Гоголь назван учителем Салтыкова-Щедрина, автора “Губернских очерков”. “Я благоговею перед Салтыковым. О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какою радостью возрадовалась бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих” [1, 5, 120].

В записи от 26 октября 1857 г. Шевченко обращает внимание на то, что писатель П.А. Кулиш, автор статьи “Об отношении малороссийской словесности к общерусской”, опубликованной в журнале “Русская беседа”, ставит имя Шевченко в один ряд с именем Гоголя. “...П.А. Кулиш, говоря о Гоголе, Квитке и о мне грешном, указывает на меня, как на великого, самобытного народного поэта. Не из дружбы ли это?” [1, 5, 157].

И, наконец, последнее упоминание о Гоголе – в записи от 8 ноября 1857 г. Зайдя к мистру Гранду, своему доброму знакомому, Шевченко “в первый раз увидел сочинения Гоголя, изданные моим другом П. Кулишем <...> Издание вышло немного мужиковато, особенно *портрет автора* до того плох, что я удивляюсь, как знаменитый Иордан позволил подписать под ним своё прославленное имя” [1, 5, 161]. Речь идет о 6-томном собрании сочинений и писем Гоголя (1857). Предложенный к изданию портрет Гоголя, рисованный Ф.А. Миллером и гравированный по стали Ф.И. Иорданом, был в свое время рекомендован самим Гоголем.

Таким образом, в эпистолярном наследии Шевченко Гоголь занимает значительное место. Теперь перейдем к художественному творчеству Шевченко.

В 1842 г. Шевченко создал иллюстрацию к повести Гоголя “Тарас Бульба”. Вообще, в творческом наследии Шевченко-художника иллюстрации (и автоиллюстрации) – весьма распространенный жанр. Среди них рисунки к произведениям Г. Квитки-Основьяненко (“Знахарь”), Б. Полевого (“История Суворова”), А. Пушкина (“Полтава”), М. Лермонтова (“Умиравший гладиатор”), Д. Дефо (“Робинзон Крузо”), У. Шекспира (“Король Лир”). Иллюстрация к повести Гоголя называется “*Встреча Тараса Бульбы с сыновьями*” (“Зустріч Тараса Бульби з синами”). Она выполнена сепией (светло-коричневая краска) на бумажном листе размером 23 x 30 см [4, 1, 243]. В центре композиции – четыре фигуры: Тарас Бульба, сыновья Остап и Андрий и их

мать. Взгляды троих персонажей устремлены на Тараса, который схвачен, видимо, в момент ответной фразы на угрозу Остапа поколотить батька, если тот будет смеяться над сыновьями:

“ – Ах, ты, сякой-такой сын! Как, батька? – сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад” [3, 1, 231].

Фигуры Тараса и Остапа (на первом плане) очень динамичны и колоритны, фигуры Андрия и матери (на втором плане), наоборот, статичны и психологически однолинейны. По утверждению специалистов, “Встреча Тараса Бульбы с сыновьями” является первой по времени иллюстрацией к повести Гоголя.

Два года спустя, в 1844 г., Шевченко пишет послание “Гоголю”.

Гоголю

За дуемо дума летит, вылетает:

Одна давит сердце, другая терзает,

А третья тихонечко плачет в обиде

У самого сердца – и Бог не увидит!

Кому ж её покажу я,

Где найду такого,

Кто бы понял и приветил

Великое слово?

Все оглохли, все ослепли,

В кандалах... поникли...

Ты смеешься, а я плачу,

Друже мой великий!

Что ж из плача уродится?

Лишь трава дурная!..

Не услышит вольных пушек

Сторона родная.

Не зарежет старый батько

Любимого сына

За свободу, честь и славу

Своей Украины.

Не зарежет, а выкормит

Да царю на бойню

И отдаст: “Примите, дескать,

Нашу лепту вдовью”.

Он отдаст царю-престолу

Да немцам-собакам.

Что же, пусть их! – А мы будем

Смеяться и плакать.

30 декабря 1844 Перевод М. Исаковского

С.-Петербург [1, 1, 336].

Дошло ли письмо до адресата – не известно. Скорее всего, нет: уже хотя бы потому, что оно было опубликовано после смерти Гоголя – в книге “Новые стихотворения Пушкина и Шевченко” (Лейпциг, 1859).

Послание Гоголю входит в состав сборника “Три года” (1843 – 1845), который Шевчен-

ко не мог издать ввиду его остро социальной направленности. Поэт создавал его в расцвете творческих сил, на подъеме революционно-демократического сознания. Поэтому послание “Гоголю” прочитывается в контексте таких шедевров шевченковской поэзии, как “Тризна”, “Сон”, “Кавказ”, “И мертвым, и живым...”, “Проходят дни, проходят ночи...” и, наконец, “Завешание”.

Отличительная черта посланий-дум Шевченко (а их у него немало: “К Основьяненко”, “Н. Маркевичу”, “Н. Костомарову”, “Марко Вовчку” и др.) – органическое слияние личного и общественного, интимного и публичного. Так, и в послании “Гоголю”, где Шевченко выходит за границы обращения личного характера, высказывает своё отношение не только к современной действительности, но и к историческому прошлому.

Одна из примечательных черт послания – обращение Шевченко к Гоголю как к “великому другу” (“великий мій друже”). К сожалению, в переводе исчезло другое обращение – “брат” (“брате”). “Великий друг” и “брат” – это обращение не только к близкому человеку, но и единомышленнику, духовно родственному человеку:

Всі оглохли – похилились

В кайданах... байдуже...

Ти смієшся, а я плачу,

Великий мій друже [2, 222].

Итак, ведущей чертой гоголевского творчества Шевченко считает *смех*, а своего – *плач*. Действительно, сам Гоголь определил специфику своего отражения жизни “как видимый миру смех и незримые, неведомые ему слёзы” (3, 2, 264). Точно так же сам Шевченко неоднократно акцентировал внимание на своем словообразе *плач*:

... Душе моя,

Чого ти сумуєш (скорбишь)?

Душе моя убогая,

Чого марне (напрасно) *плачеш*?

(“Сон”. – 2, 207).

Чого сердце *плаче*, ридає (рыдает), кричить,

Мов дитя голодне?

(“Чого мені тяжко...”. – 2, 221).

Тільки я, мов окаянный,

І день і ніч *плачу*.

(“І мертвим, і живим...”. – 2, 288).

Шевченковский плач – это плач, исторгнутый Украйной через сердце поэта; это стон, вопль, крик, сопровождаемый зримыми и ведомыми миру слезами. Шевченко в полной мере

осознает, что его плач породит лишь “богилову” (болиголов – ядовитая трава), что от его плача “не заревуть в Україні // Вольнїї гармати (пушки)”, что под его плач “не заріже батько сина <...> // За волю Вкраїни”. И тем не менее –

Нехай, брате. *А ми будем
Сміятся та плакати* [2, 223].

“Не заріже батько сина” – это реминисценция, восходящая к двум произведениям: поэме Шевченко “Гайдамаки”, где сотник Гонта убивает двух своих сыновей, потому что они были католиками и шляхтичами по воспитанию, и к повести Гоголя “Тарас Бульба”, где главный герой убивает своего сына за измену родине.

Послание “Тоголю” – яркое свидетельство духовного родства двух великих художников, мастеров “Великого слова”. К сказанному можно добавить, что послание неоднократно было положено на музыку (композиторы Владислав Заремба, Николай Лысенко, Яков Степовой).

Контактные связи Шевченко с Гоголем особенно наглядно проявляются в его прозе. Проза Шевченко – это главным образом девять повестей на русском языке (отсюда термин *русские повести*), созданных в 1853 – 1858 гг., но опубликованных только в 1888 г. Они представляют собой повести-“мемуары”, в которых почти нет вымысла – есть только домысел. Гоголевская тема представлена в них литературными явлениями, восходящими к контексту гоголевских произведений, в первую очередь “Мертвых душ”. Шевченко-прозаик твердо стоит на позициях реализма, гоголевской школы, полемично подерживая верность “старой, но хорошей манере” изображения действительности.

Уже в первой русской повести Шевченко – “Наймичка” – за семейной парой Яким Гирло и жена его Марта легко угадываются гоголевские персонажи Афанасий Иванович Товстогуб и жена его Пульхерия Ивановна Товстогубиха из повести “Старосветские помещики”.

“Яким Гирло вышел из хаты и сел на призьбе¹. <...>

Вскоре за ним вышла и жена его Марта. <...>

Вынесла Марта сначала скамейку, покрытую килимом², поставила ее перед мужем, а потом уже вынесла миску с варениками и тарелку со сметаной, и все это поставила на временном столе перед мужем и сама села около него.

¹ Призьба – завалинка.

² Килим, килим – ковер.

– Нумо³ полудновать, Якиме, – сказала она мужу.

Яким, перекрестясь, сказал:

– А полудновать, так и полудновать; господи, благослови! – И с этим словом расправил свои серые усы и взял вареник.

После вареников Марта вынесла миску слив и желтую душистую дыню; покушали и слив и дыни немного” [1, 3, 89 – 90].

Ах, как это по-гоголевски!

“– А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?”

– Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? разве коржиков с салом, или пирожков с луком, или, может быть, рыжиков соленых? <...>

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова. <...>

После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один час, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила:

– Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз!” [3, 4, 216 – 217].

Пример, приведенный нами, можно назвать приемом скрытого сравнения, рассчитанного на ассоциативное мышление читателя. В отличие от него, прямое сравнение связано с ассоциативным мышлением писателя. В этом случае гоголевские образы-персонажи воспринимаются Шевченко как литературные образцы, эталоны для создания своих образов. Два примера из разных повестей.

В повести “Близнецы” один из братьев, Зосим Сокира, напоминает автору гоголевского Ноздрёва. “Ко всему тому он с необыкновенным успехом являл свою, можно сказать, гениальную способность *делать и не платить долги*, за что нередко его величали – *не Ноздрёвым* (астраханской просвещенной публики ещё не касались “Мертвые души”), а называли его просто *шерамыжником*, за что он несколько не был в претензии. Счастливый темперамент! Или, лучше сказать, до чего может усовершенствовать себя человек в кругу порядочных людей!” [1, 4, 84].

В повести “Художник” создан образ молодого художника Головни, который был реальной личностью. “Не следовало бы мне останавливаться на таком жалком явлении, как художник Головня. Но как он явление редкое, тем более редкое между художниками, то я скажу о нем несколько слов.

³ Нумо – давай.

Сильно, резко нарисованная фигура Плюшкина бледнеет перед этим антихудожником Головнёю. У Плюшкина, по крайней мере, была юность, а следовательно, и радость, хоть не полная, не ликующая радость, но все-таки радость, а у этого бедняка ничего и похожего не было на юность и на радость” [1, 4, 160].

В подтверждение сказанному приводится один курьезный факт. Головне для исполнения конкурсной картины на заданный сюжет (“Адам и Ева над трупом своего сына Авеля”) понадобилась женская модель. Получив от щедрого покровителя для наёмки натурщицы сторублевую ассигнацию, Головня зашил ее в тюфяк, а первозданную красавицу написал... с куклы, которую живописцы употребляют для драпировок. Раскрыв “отвратительную душонку юноши-скареды”, автор заключает: “Перед ним Плюшкин просто мотыга” [1, 4, 161]. Таков вот этот “нравственный урод”, переплюнувший гоголевского Плюшкина.

В русских повестях Шевченко нашли художественное отражение некоторые факты, связанные с судьбою поэмы “Мертвые души” в современном обществе.

В повести “Близнецы” воссоздается атмосфера горячих споров вокруг “Мертвых душ”, показывается влияние гоголевского произведения на киевскую студенческую молодежь, дается его оценка в духе критических выступлений В.Г. Белинского. Один из персонажей повести, Савватий Сокира, становится свидетелем и участником событий, связанных с появлением “Мертвых душ” (1842) и реакции на них читающей публики.

“Библиотека для чтения”, в том числе и солидные благомыслящие люди, разругали книгу и автора, называя книгу грязною и безнравственною, а автора просто сеятелем плевел на почве воспитания благородного юношества. Несмотря, однакож, на блюстителей нравственности и блюстительниц русского слова, “Мертвые души” разлетелись быстрее птиц небесных по широкому царству русскому. Прилетело несколько экземпляров и в древний Киев и дебутировали, разумеется, в университете” [1, 4, 70].

Шевченко с юмором описывает, как реагировали на книгу Гоголя разные слои общества. “...Студенты собираются в кружки и что-то с хохотом читают, а инспектор, как человек, мало следивший за движением отечественной литературы, и человек, не принадлежащий к банде блюстителей нравственности, узнавши, что книга титулуется “Мертвые души”, “должно быть, страшная”, – и махнувши рукою, сказал: “Пу-

скай их себе читают, лишь бы не пьянствовали да на Кресты окон бить не ходили” [1, 4, 70].

Что касается студента Савватия, то он “начала со вниманием прослушал: “Мертвые души”, потом с большим вниманием прочитал, а прочитавши, возымел страсть во что бы то ни стало приобрести эту книгу и во время каникул читать вслух на хуторе”. Однако в книжном магазине, бывшем одновременно конторой страхования жизни, книгопродавец вытаращил на него глаза: “Ему показалось, что посетитель спрашивает мертвые души те, которые застраховали свое земное бытие в его конторе, и, обратясь к посетителю, сказал, что есть только две” [1, 4, 70 – 71]. Тогда Савватий заказывает книгу по почте, но вместо нее получает низкопробное произведение “Николаас – Медвежья Лапа” с лаконической запиской пренаивного содержания: “«Мертвые души» запрещены. И цензор и автор сидят в крепости” [1, 4, 71].

В конце концов Савватий получает возможность приобрести “Мертвые души”. “После акта в тот же день снес он мундир свой <...> к одолжителю презренного металла за умеренные проценты и, приобретя за вырученные деньги экземпляр великой книги, он имел неизъяснимое наслаждение читать ее вслух на хуторе, вечером – на крыльце, а днем – под липою в пасеке” [1, 14, 72]. Особенно восторгался Савватий “Повестью о капитане Копейкине”, которую прочитывал “в сотый раз уже” “почти наизусть” внимательно слушавшей его матери Прасковье Тарасовне.

В повести “Несчастный” имя автора “Мертвых душ” упоминается рядом с именем французского писателя Эжена Сю, пользовавшегося в России большой известностью. Её герой – солдат Ипполитушка, отданный на службу по просьбе родной матери для исправления. Таких солдат называли “несчастливыми”, или “конфирмованными”, т.е. отданными по приговору суда, либо по решению административных органов, либо “по воле родителей”. Знакомя читателя с культурным уровнем Ипполитушки, повествователь воспроизводит следующую сцену.

“Я попробовал было его со стороны образования, и он мне такую чепуху загородил, что лучше было б и не пробовать. Однажды приходит он ко мне навеселе и видит у меня развернутую книгу на столе. “Что это вы почитываете?” – спрашивает он. – “Мертвые души”. – “А, это сочинение Эжена Сю”. – “Точно так”, – ответил я” [1, 3, 299].

То обстоятельство, что Ипполитушка не знает, кто написал “Мертвые души”, должно, в

глазах автора, исчерпывающе точно охарактеризовать героя. “Немного, я думаю, найдется моих читателей таких, которые бы мне поверили, что это было действительно так, а это было действительно так” [1, 3, 299].

В связи с этим эпизодом уместно привести суждение Шевченко об Эжене Сю в сравнении с Гоголем в письме В.Н. Репниной от 1 января 1850 г. из Оренбурга: “Сю, по-моему, похож на живописца, который, не изучив порядочно анатомии, принялся рисовать человеческое тело, и, чтобы прикрыть своё невежество, он его полуосвещает. Правда, подобное полуосвещение эффектно, но впечатление его мгновенно! – так и произведения Сю: пока читаем – нравится и помним, а прочитал – и забыл. *Не таков наш Гоголь – истинный ведатель сердца человеческого!*” [1, 5, 289]. Удивительно, насколько близко это суждение соотносится с замечаниями В.Г. Белинского о том, что многие читатели и критики “во всеуслышание объявили Эжена Сю гением, а его сказку – бессмертным творением, не упустив при сей верной okazji разругать “Мертвые души“ Гоголя, которых любая страница, наудачу развернутая, убьёт тысячи таких бедных и жалких произведений, как “Парижские тайны” [1, 5, 567].

Итак, изучение контактных связей Шевченко с Гоголем наглядно свидетельствует о том, что Гоголь в творческом сознании Шев-

ченко является постоянной величиной. Образ Гоголя, его книги, его герои сопровождали Шевченко во все периоды его жизни: в Академии художеств в Петербурге, в странствиях по Украине, в десятилетней ссылке в Казахстане; во всех видах его творческой деятельности: в поэзии, в прозе, в живописи. Представленную нами картину значительно расширит и углубит изучение типологических связей Шевченко с Гоголем.

Литература

1. Шевченко Т.Г. Собр. соч.: В 5 т. – М.: Гослитиздат, 1955 – 1957.
2. Шевченко Т.Г. Кобзар. – Київ: Дніпро, 1983.
3. Гоголь Н.В. Соч.: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1973.
4. Шевченківський словник: У 2 т. – Київ, 1976 – 1977.
5. Дігтяр С.У, та інші. Усторія української літератури (перша половина ХІХ століття) / За ред. І.П. Скрипника. – Київ: Вища школа, 1980.
6. Історія українсько-російських літературних зв'язків: У 2 т. Т. 1. Дожовтневий період. – Київ: Наукова думка, 1987.
7. Жулинский Н.Г. Две половинки украинского сердца: Шевченко и Гоголь // <http://www.day.kiev.ua>.